

ГИЛБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН

Перелетный кабак

ФТМ

Москва
2020

УДК 82-31
ББК 84(4Вел)
Ч51

GILBERT KEITH CHESTERTON
The Flying Inn
1914

Перевела с английского Н. Трауберг

Честертон Г. К.

Ч51 Перелетный кабак : [роман] / Гилберт Кийт Честертон ; [пер. с англ. Н. Трауберг]. — М. : «Т8 Издательские Технологии» / «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020. — 216 с. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-521-74398-8

«Перелетный кабак» (1914) — это гротескная история об антиалкогольной кампании в Англии. Специальным парламентским указом все питейные заведения объявляются вне закона. С этим нововведением не согласен один человек — доблестный капитан Патрик Дэлрой. Он находит в законе, по которому все кабаки облагаются непосильным налогом ежедневно, лазейку и открывает заведение, которое не задерживается на месте больше чем на день.

**УДК 82-31
ББК 84(4Вел)**

ISBN 978-5-521-74398-8

© Трауберг Н. Л., наследники,
перевод на русский язык, примечания, 2020
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020

Глава I

ПРОПОВЕДЬ О КАБАКАХ

Море было таинственного бледно-зеленого цвета и день уже клонился к вечеру, когда молодая черноволосая женщина в мягко ниспадающем платье густого, медного оттенка рассеянно проходила по бульвару Пэбблсвика, влача за собой зонтик и глядя в морскую даль. Она смотрела туда не без причины; много женщин в мировой истории смотрели на море по тем же самым причинам и побуждениям. Но паруса нигде не было.

На берегу перед бульваром толпились люди, слушавшие обычных ораторов, подвизающихся на морских курортах, — негров и социалистов, клоунов и священников. Как обычно, там стоял человек, проделывавший какие-то фокусы с бумажными коробочками, и зеваки часами глазели на него, надеясь понять, что же он делает. Рядом с ним стоял джентльмен в цилиндре с очень большой Библией и очень маленькой женой, которая молчала, пока он, потрясая кулаками, громил сублапсариев, чье еретическое учение столь опасно для морских курортов. Он так волновался, что нелегко было уследить за смыслом его речи, но через равные промежутки выговаривал с жалобной усмешкой «наши друзья, сублапсарии». Потом шел некий юноша, который и сам не мог бы объяснить, о чем он говорит; но публике он нравился, ибо носил на шляпе венки из моркови. Перед ним лежало больше денег, чем перед другими ораторами. Затем тут были негры. Затем была «Защита детей» с необычайно длинной шеей, отбивавшая такт деревянным совочком. Дальше стоял разъяренный атеист с алой розеткой в петлице, указующий то и дело на человека с совочком и утверждающий, что лучшие дары природы испорчены происками инквизиции, которую представлял,

по-видимому, защитник детей. Слушателей своих он тоже не щадил. «Лицемеры!» — кричал он, и они бросали ему деньги. «Дураки и трусы!» — они бросали еще. Между атеистом и защитником находился маленький старичок в красной феске, похожий на сову, помахивающий над головой зеленым зонтом. Лицо у него было коричневое и морщинистое, как грецкий орех, нос напоминал об Иудее, черная борода — о Персии. Молодая женщина никогда его не видела и поняла, что это — новый экспонат на хорошо знакомой выставке помешанных и шарлатанов. Женщина эта была из тех, в ком чувство юмора всегда спорит со склонностью к тоске и скуке; она остановилась и оперлась на перила, чтобы послушать.

Прошло целых четыре минуты, прежде чем она стала улавливать смысл его речи. Говорил он по-английски с таким сильным акцентом, что ей вначале показалось, будто он проповедует на своем родном языке. Каждый звук в его произношении становился очень странным. Особенно забавно произносил он «у», немилосердно его растягивая, скажем — «пу-у-уть» вместо «путь». Мало-помалу она привыкла и стала понимать отдельные слова, хотя далеко не сразу догадалась, о чем идет речь. По-видимому, старичок пытался доказать, что англичане получили цивилизацию от турок или от сарацинов после их победы над крестоносцами. Кроме того, он считал, что скоро придет время, когда англичане сами в это поверят, и приводил в доказательство распространение трезвости. Слушала его только молодая женщина.

— Посмотрите, — говорил он, грозя кривым темным пальцем, — посмотрите на свои кабаки! На кабаки, о которых вы пишете в книгах! Эти кабаки построили не для крепких христианских напитков. Их построили, чтобы продавать мусульманские, трезвые напитки. Это видно из названий. У них восточные названия. Например, у вас есть знаменитый кабак, у которого останавливаются все омнибусы. Вы зовете его «Слон и замо́к». Это не английское название. Это азиатское название. Вы скажете, что замо́ки есть и в Англии, и я соглашусь с вами. Есть Виндзорский замо́к.

Но где, — сердито закричал он, простирая зонтик к девушке в пылу ораторской победы, — где виндзорский слон? Я осмотрел весь Виндзорский парк. Там нет слонов.

Темноволосая девушка улыбнулась и подумала, что этот человек стоит прочих. Следуя странному обычаю, которым слушатели поощряют представителей вер на морских курортах, она бросила монетку на круглый медный поднос. Увлеченный достойным и бескорыстным пылом, старик в красной феске этого не заметил и продолжал свои туманные доказательства.

— В городе есть питейное заведение, которое вы называете «Бы-ы-ык».

— Мы обычно называем его «Бык», — сказала молодая девушка очень мелодичным голосом.

— У вас есть заведение, которое вы называете «Бы-ы-ык», — свирепо повторил старичок. — Может быть, это смешно...

— Нет, что вы!.. — нежно заверила его увлеченная слушательница.

— При чем тут бы-ы-ык? — кричал оратор. — Чем связан бы-ы-ык с веселым пиром? Кто думает о быках в садах блаженства? Разве место быку там, где прекрасные девы пляшут и разливают сверкающий шербет? У вас самих, друзья мои, — и он радостно огляделся, словно обращаясь к многочисленной толпе, — у вас самих есть поговорка «бы-ык в посудной лавке». Ничуть не разумней, ничуть не выгодней пускать быка в лавку винную. Это ясно.

Он вонзил зонтик в песок и ударил себя пальцем по руке, словно наконец-то подошел к самой сути дела.

— Это ясно как солнце в полдень, — торжественно сказал он. — Ясно как солнце, что прежде этот кабак называли «Крылатым быком» в честь и славу древнего восточного символа.

Голос его взмыл, как труба, и он распростер руки, словно листья тропической пальмы.

После такого торжества он немного обмяк и тяжело оперся на зонтик.

— Вы найдете следы азиатских слов, — продолжал он, — в названиях всех ваших заведений. Более того, вы найдете их в названиях всех предметов, которые доставляют вам радость и вдохновение. Дорогие мои друзья, даже то вещество, которое придает крепость вашим напиткам, вы называете арабским словом «алкоголь». Само собой разумеется, что частица «ал» — арабского происхождения, как в словах «Альгамбра» или «алгебра». Эта частица встречается во многих словах, связанных для вас с весельем, — таких, например, как «эль», искаженное «аль», или Альберт-холл.

И он торжественно распростер руки на восток и на запад, взывая к земле и небу. Темноволосая девушка, с улыбкой глядя вдаль, похлопала ему обтянутыми серой лайкой пальцами. Но старичок в феске не устал.

— Вы возразите мне... — начал он.

— О нет, нет! — и отрешенно, и пылко проговорила девушка. — Я не возражаю. Я совсем не возражаю!

— Вы возразите мне, — продолжал ее наставник, — что есть кабаки, которые названы в честь символа ваших суеверий. Вы поторопитесь напомнить о «Золотом кресте», о «Королевском кресте» и о всех тех крестах, которых так много под Лондоном. Но вы не должны забывать, — и он ткнул в воздух зонтиком, словно собирался проткнуть девушку насквозь, — вы не должны забывать, друзья мои, сколько в Лондоне полумесяцев. Вы называете полумесяцем всякую площадь, круглую с трех сторон, прямую — с четвертой. Повсюду звучит это слово, повсюду вы чтите священный символ пророка. Ваш город почти целиком состоит из полумесяцев, изредка прерываемых крестами, напоминающими о суеверии, которому вы ненадолго поддались.

Приближалось время чаепития, и толпа на берегу быстро редела. Запад сиял все ярче. Солнце опускалось в бледное море, сверкая сквозь воду, словно сквозь зеленое стекло. Прозрачность воды и небес дышала сияющей безнадежностью, ибо для девушки море было и романтическим, и трагическим. Солнце медленно гасло, и вместе с ним угасал поток изумрудов; но поток человеческой глупости был неистощим.

— Я ничуть не хочу утверждать, — говорил старик, — что в моей теории нет трудных случаев. Не все примеры так бесспорны, как те, что я сейчас привел. Скажем, совершенно очевидно, что «Голова сарацина» — искажение исторической истины, гласящей «Глава наш — сарацин». Далеко не так очевидно, что «Зеленый чурбан» — это «Зеленый тюрбан», хотя в моей книге я надеюсь это доказать. Скажу одно: усталого путника в пустыне скорее привлечет мягкая, красивая ткань, чем бессмысленная деревяшка. Порою очень трудно доискаться до прежних названий. У нас был знаменитый воин, Амар али Бен Боз, а вы переделали его имя в «Адмирал Бенбоу». Бывает и еще труднее. Здесь есть питьевое заведение «Старый корабль»...

Взгляд девушки был прочно прикован к линии горизонта, но лицо ее изменилось и зарумянилось. Пески были почти пусты; атеист исчез, как его бог, а те, кому хотелось узнать, что делают с бумажными коробочками, ушли пить чай, этого не зная. Но девушка медлила у перил. Лицо ее ожило; тело не могло сдвинуться с места.

— Надо признать, — блял старичок с зеленым зонтиком, — что в словах «Старый корабль» нет решительно ничего азиатского. Но это не собьет с пути искателя истины. Я спросил владельца, которого, как я записал, зовут мистер Пэмф...

Губы у девушки задрожали.

— Бедный Хэмп! — сказала она. — Я совсем забыла о нем. Наверное, он так же горюет, как и я. Надеюсь, старик не будет говорить чепухи об этом... Ах, лучше бы не об этом!

— Мистер Пэмф сказал мне, что название придумал один его дру-у-уг, ирландец, который был капитаном королевского флота, но вышел в отставку, рассердившись на дурное обращение с Ирландией. Он вышел в отставку, но сохранил суеверия ваших моряков и хотел назвать кабак в честь своего корабля. Однако су-у-удно это называлось «Соединенное королевство»...

Его ученица — не сидевшая, правда, у его ног, а нависшая над его головой — звонко крикнула, оглашая пустые пески:

— Как зовут капитана?

Старичок шарахнулся от нее, уставившись ей в лицо совиным взором. Часами он говорил, как бы обращаясь к толпе, но сильно растерялся, увидев, что у него есть слушатель. Кроме девушки и турка, на всем берегу не было ни одной души, если не считать чаек. Солнце утонуло, лопнув напоследок, как лопнул бы алый апельсин, но низкие небеса были еще озарены кроваво-красным светом. Этот запоздалый свет обесцветил красную феску и зеленый зонтик; но темная фигурка на фоне моря и неба была все такой же, хотя и двигалась больше.

— Как зовут капитана? — переспросил старик. — Кажется... кажется, Дэлрой. Но я хочу вам сказать, хочу объяснить, что поборник правды найдет необходимую связь. Мистер Пэмф сообщил мне, что он убирает и украшает свое заведение отчасти потому, что вышеупомянутый капитан, служивший, насколько я понял, в каком-то маленьком флоте, скоро возвращается. Заметьте, друзья мои, — сказал он чайкам, — что ум, привыкший мыслить логически, найдет смысл и здесь.

Он сказал это чайкам, потому что девушка, взглянув на него сияющими глазами, еще сильнее оперлась о перила, а потом растаяла в сумерках. Когда замолк звук ее шагов, ничто не нарушало тишины, кроме слабого, но могучего бормотания вод, редких птичьих криков и бесконечного монолога.

— Заметьте, — продолжал старичок, так рьяно взмахнув зонтом, словно то было зеленое знамя пророка, а потом вонзая его в песок, как вонзал его буйный предок колья своего шатра, — заметьте, друзья мои, поразительную вещь! Вас удивило, вас поразило, вас озадачило, как бы вы сказали, что в словах «Старый корабль» нет ничего восточного. Но я спросил, откуда возвращается капитан, и мистер Пэмф со всей серьезностью ответил мне: «Из Ту-у-урции». Из Ту-у-урции! Из ближайшей страны правозверных! Мне скажут, что это не наша страна. Но не все ли равно, откуда мы, если мы несем райскую весть?